

Содержание

Вместо предисловия: кто и почему · 9

Пролог: Европа, Карл, XIII век · 14

Роль первая: младший принц, человек короля · 14; Роль вторая: правитель · 18; Роль третья: воин-гвельф · 23; Роль четвертая: крестоносец-колонизатор · 29

Глава I. Младший принц · 38

Картина первая. Капетинги и рождение Франции · 38; Рождение Франции: хронология · 56; Посмертный или порфирородный? · 58; Лев и львица · 61; С братьями · 67; Дела брачные, дела политические · 73; Анжу и Прованс · 80

Глава II. Крестоносец · 89

Картина вторая. К Святой земле · 89; К Святой земле: хронология · 97; Поход короля Людовика: расстановка сил · 99; Поход короля Людовика: от победы к поражению · 107

Глава III. Правитель · 119

Картина третья. Шахматная доска · 119; Шахматная доска: хронология · 133; Между Сицилией и Фландрией · 135; Провансальское семейство · 144

Глава IV. Колесо Фортуны: вверх · 151

Картина четвертая. Наследие Отвилей · 151; Наследие Отвилей: хронология · 173; Анжу в поход собрался · 175; Последняя битва короля Манфреда · 184; Vita Caroli, mors Conradi · 195; Последний крестовый поход · 209; Интермедия: человек-действие · 221

Глава V. Мираж над Босфором · 240

Картина пятая. Латиняне и греки · 240; Латиняне и греки: хронология · 252; Между двумя Римами · 253; Крах унии · 263; Лев и Змей · 271

Глава VI. Колесо Фортуны: вниз · 281

Картина шестая. Арагонская корона · 281; Арагонская корона:
хронология · 288; Анжуйский режим · 289; Заговор · 304;
Мятеж · 310; Война и смерть · 317

Заключение: династия, Сицилия, Европа · 333

Список использованной литературы · 343

Автор выражает глубокую признательность:

*руководству Института экономической политики
имени Е.Т. Гайдара и прежде всего В.А. Мау,
а также Валерию Анашвили и сотрудникам
Издательства Института Гайдара —
за самую возможность выхода моей книги,
а также за ту оперативность,
с которой рукопись прошла
все издательские стадии
подготовки и увидела свет,*

*историку и литератору Кириллу Кобрину —
за многочисленные полезные советы
при работе над книгой,*

*моей жене Михаэле —
за понимание и терпение*

*и острову Сицилия —
за то, что он есть.*

Вместо предисловия: кто и почему

ЭТА КНИГА — версия одной давней необычной судьбы. Любая написанная биография — всего лишь версия, поскольку немногие считают должным при жизни объяснять мотивы своих действий. Историкам приходится реконструировать характеры персонажей былых времен по их поступкам и свидетельствам других. Ведь даже те, кто все-таки берет на себя труд объяснить-ся, чаще всего делают это из соображений честолюбия или самозащиты. Одни пытаются за что-то оправдаться, другие — остаться в памяти последующих поколений в возможно более выгодном свете. Мало на свете жанров столь лживых, как исторические мемуары.

Герой этой книги оправдаться не стремился. Хотя было за что: уже один момент его биографии — казнь двух юношей королевских кровей после разгрома в битве и сомнительного суда — снискал ему репутацию хладнокровного чудовища. А ведь на своем жизненном пути человек, о котором пойдет речь, срубил не только две этих головы, разорил и сжег не один город, бросил в заточение и уморил там не одного своего противника... Впрочем, наш герой, вздумай он таки оправдываться — или отвечать за свои дела там, куда его поместил Данте в «Божественной комедии»¹, — мог бы пожать плеча-

---

1. В этом произведении наш герой помещен в Чистилище, «долину земных властителей», где малопочтительно назван Носачом. Данте изображает его в довольно комичном виде — поющим хором со своим прижизненным соперником Педро III Арагонским:

*А этот кряжистый, поющий в лад
С тем носачом, смотрящим величаво,
Был опоясан всем, что люди чтят.*

(Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М., 1986. С. 180).

ми и посоветовать высокому суду посмотреть на людей его времени и его круга, дабы найти среди них безгрешных и милостивых. Быть может, даже старший брат нашего героя, заслуживший от церкви высшие почести в виде канонизации, не прошел бы действительно строгий тест. Ведь ремесло правителей, сколь бы благочестивы они ни были, редко дает им возможность не запачкаться.

Но тот, о ком пойдет речь, был человеком действия, и у него не оставалось времени ни на оправдания, ни просто на размышления о прошлом, тем более что смерть застигла его посреди ожесточенного конфликта. Об исходе этого столкновения он прежде всего и заботился, даже обращаясь к Богу. Об этом говорит приписываемая ему фраза, якобы сказанная после полученного известия о мятеже, которому суждено было оборвать его карьеру: «Коль скоро Тебе, Господи, было угодно повернуть колесо Фортуны против меня, да будет Тебе угодно также, чтобы мое падение было медленным»². Это разговор с Богом человека, не лишённого христианского смирения, но знающего себе цену.

Цена эта — по крайней мере, в том, что касается социального статуса, — была высокой с самого начала. Принц из французского королевского рода, младший брат Людовика IX Святого («самый заводной и небесталаный»³ из многочисленной родни святого короля) — уже это положение, доставшееся ему по праву рождения, гарантировало нашему герою далеко не последнее место в Европе XIII века. Однако благодаря собственной энергии и честолюбию он достиг еще больших высот, а его влияние было сопоставимо с ролью наиболее выдающихся государственных деятелей той эпохи. Пора наконец назвать этого человека по имени: Карл I, король Сицилии, Неаполя и Албании, титулярный король Иерусалимский, герцог Апулийский, принц Капуанский, граф Анжуйский и Мэнский, граф Прованский, князь Ахейский (Морейский), в разные годы — римский сенатор и генеральный викарий Священной Римской империи в То-

2. Цит. по: *Dunbabin J.* Charles I of Anjou. Power, Kingship and State-Making in Thirteenth-Century Europe. L., 1998. P. 113.

3. *Ле Гофф Ж.* Людовик IX Святой. М., 2001. С. 547.

скане, основатель собственной династии, представители которой правили в XIII–XV веках Неаполем, Хорватией, Далмацией, Венгрией и Польшей.

Карл Анжуйский был фигурой, стоявшей на перекрестке исторических дорог. Вернее, не стоявшей, а действовавшей, ибо всю жизнь этот беспокойный человек провел в движении, воюя, отдавая приказы, захватывая, расширяя и укрепляя свои владения, снаряжая экспедиции и подавляя мятежи, заботясь о сооружении крепостей и обустройстве городов. Флорентийский летописец Джованни Виллани, родившийся за девять лет до смерти Карла, воздал ему должное: «Карл был мудр и благоразумен, суров и отважен на войне, великодушен и высок в своих помыслах. Все короли мира трепетали перед ним, в своих грандиозных начинаниях он был тверд, верен своим обещаниям, немногословен, но деятелен... Его всегда снедал жар приобретения любой ценой новых владений и богатств, чтобы покрывать расходы на свои военные нужды»⁴. Тем не менее главным героем своей эпохи Карл не стал, оставшись в исторической памяти фигурой хоть и крупной, но стоящей в тени по меньшей мере двух современников. Одним был его собственный брат, король Людовик, другим — император Фридрих II Гогенштауфен, для ближайших потомков которого Карл Анжуйский оказался Немезидой и палачом в самом буквальном смысле слова.

Если сравнить политическую историю той эпохи с шахматной партией, то Карл представляется в ней фигурой наподобие ладьи, сильной и грозной, но прямолинейной и тяжеловесной боевой башни. И все же Карл заслуживает особого внимания в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, его жизнь отличалась лихим сюжетом, заманчивым для любого историка, и потому удивительно, что фигура Карла за семь с лишним веков, прошедших после его смерти, не слишком часто привлекала внимание биографов. Ведь история как непрерывно осмысляемое прошлое никогда не перестанет быть прежде всего повествованием. History — это очень часто story, а редкая story может быть увлекательнее биографии выдающегося человека на фоне его эпохи. Во-вто-

4. Виллани Дж. Новая хроника, или История Флоренции. М., 1997. С. 198.

рых, жизнь нашего героя переплелась и стала частью множества важнейших исторических сюжетов позднего Средневековья — крестоносной эпопеи, формирования Французского королевства как ведущей европейской державы, конфликта папства и императорской власти, западной колонизации европейских окраин, взаимоотношений католического Запада с православным и мусульманским Востоком...

Карл Анжуйский, проживший неполных 58 (по другим данным — 59) лет, «был везде». И лично, оставив свой след на полях битв от Фландрии до Туниса и от Прованса до Египта, и посредством своей политической воли, приводившей в действие властные и дипломатические рычаги в Париже и Марселе, Неаполе и Риме, Константинополе и Иерусалиме. Это пространственное измерение его жизни. Измерение же временное помещает Карла в центр эпохи, которая оказалась чрезвычайно важной для европейской истории и во многом определила ее ход на века вперед. Вторая половина XIII столетия, на которую пришлось основная часть политической и военной деятельности Карла Анжуйского, — важнейший этап европейского Высокого Средневековья. И сам Карл, если поместить его жизнь и деятельность как во временной, так и в пространственный контекст, предстает фигурой, которой досталась важная и необычная роль: он *закрывает эпоху*.

Его время — пик Средневековья и предвестие его заката. Это период, когда Европа стремительно менялась, становясь более устойчивой и зажиточной, основывая города, торгуя с заморскими странами, осваивая новые земли, задаваясь вопросом о праведности светской власти и ее отношениях с властью духовной. Писалась последняя глава перед кризисом, которому суждено было обрушиться на Старый Свет в XIV столетии. Карлу Анжуйскому пришлось написать в этой главе несколько важных фраз, без которых наше представление о европейской истории было бы недостаточно полным.

Судьба Карла Анжуйского — это тройная история, каждая из частей которой неотделима от двух других. Во-первых, это история собственно человека по имени Карл — французского принца, который взнуздal собственную судьбу, став уже в зрелом возрасте королем

на юге Италии, гордого, властолюбивого, умного, жестокого, упрямого, вспыльчивого, деспотичного, верного, отчаянного и несчастного. Во-вторых, это яркая история о человеке и власти, ядовитое обаяние которой Карл испытал на себе. В-третьих, это повествование о Европе, которую он помогал создавать, не рассуждая и не думая о ней так, как можем думать и рассуждать мы сегодня. Но ведь известно, что очень многие значительные и долговечные вещи создаются как бы случайно и по наитию.

Если коротко, то все нижеследующее — именно об этом. О Европе, о власти, о выдающемся человеке в контексте своей среды и времени. При этом, конечно, автор далек от наивной мысли о том, что ему удастся воссоздать облик реального короля Карла. Подобная задача непосильна для любого биографа, поскольку биография — это не воссоздание человека и его жизни, а, скорее, их интерпретация и в каком-то смысле изобретение заново. К людям, жившим в столь давние времена, как герой этой книги, сказанное относится вдвойне. Ведь при всем стремлении историка не отступать от известных фактов, подтверждаемых источниками, этих фактов относительно немного, источники же нередко односторонни, предвзяты или полны фантазий, а других попросту нет. Так что задача *здорового домысливания* своего героя становится неизбежной частью работы биографа. Это похоже на переход реки вброд по камням, которые выглядывают из-под воды или лежат под самой ее поверхностью. Перейти такую реку можно, даже не зная всех деталей рельефа ее дна. Вот и мне остается надеяться, что вместе с читателем нам удастся добраться до другого берега, кое-что узнав и поняв. Ведь, как заметил Марк Блок, «судить — не дело историка, его дело — понимать».

ПРОЛОГ: Европа, Карл, XIII век

КАКОВ же был облик Европы времен Карла Анжуйского? На какой сцене ему довелось играть свои роли? (Именно так, во множественном числе, поскольку ролей этих было несколько.) Попробуем по возможности кратко описать и сцену, и характер ролей.

Роль первая: младший принц, человек короля

В XIII веке феодализм, эта иерархическая система личных отношений власти и подчинения, пронизывающая западное общество, достигает пика своего развития и являет первые черты упадка. С одной стороны, отношения личной зависимости/защиты (сеньоры и вассалы — в «верхах» общества, зависимые от них крестьяне — в «низах») становятся действительно вездесущими, а свободные (аллодиальные¹) землевладельцы — весьма редким явлением. Как отмечает Робер Фотье, «вся политическая система в действительности висела на цепочке вассальных отношений, ведущей от скромнейшего арендатора к крупному феодалу, который был непосредственным вассалом короля»².

С другой стороны, заметно усиливается королевская власть, пережившая на европейском Западе после распа-

---

1. Аллод — свободное землевладение, полная собственность без всякой подати с безусловным правом отчуждения.

2. *Fawtier R. The Capetian Kings of France. NY, 1966. P. 64.*

да империи Каролингов (IX — начало X века) период глубокого упадка. До подлинной централизации еще далеко, но во Франции, Англии, на юге Италии, в королевствах Пиренейского полуострова куда прочнее становятся связи между различными этапами феодальной иерархии. Права короля как высшего сюзерена превращаются из почти эфемерной формальности, какой они были, к примеру, во Франции при первых Капетингах, во вполне ощутимую политическую реальность. Складывается единый государственный аппарат — в виде чиновников (сенешалей, бальи), которых монарх направлял в провинции и которые несли ответственность лично перед ним. Усиливаются судебные полномочия короны, что однажды почувствовал на себе и Карл Анжуйский. Один из его французских вассалов, мелкопоместный рыцарь, которого Карл за какую-то провинность бросил в заточение, подал на него жалобу в королевский суд. Дело дошло до самого Людовика IX, и тот сурово отчитал брата, чьи действия счел неправомерными: «Во Франции может быть лишь один король... Не думай, что, поскольку ты мой брат, я стану защищать тебя перед правосудием»³.

Являясь членом королевской семьи, Карл Анжуйский стал непосредственным участником процесса превращения рыхлого конгломерата почти независимых феодальных владений в государственное образование, в котором феодальные отношения играли связующую, а не разъединяющую роль. Будучи связан с королем кровным родством и личной преданностью, Карл, возможно, в большей степени, чем кто-либо еще из тогдашних французских баронов, олицетворял ситуацию, характерную для Франции той эпохи: «...Бароны все были людьми короля и его друзьями⁴, так же как [в более раннюю эпоху] рыцари, несшие охрану замка, были друзья-

3. Ibid. P. 31.

4. Слово «друзья» в данном случае следует понимать в контексте феодальных отношений. Принесение вассалом оммажа (клятвы верности) сеньору связывало обе стороны взаимными обязательствами службы (со стороны вассала) и покровительства (со стороны сеньора), которые в совокупности иногда трактовались как «дружба» (хоть и неравных по своему положению людей). Личные отношения вассала и сеньора, а уж крупных вельмож и королей — в особенности, при этом могли быть как действительно дружескими, так и весьма напряженными.

ми его владельца. Король же находился на высшей ступеньке феодальной лестницы»⁵.

Людьми короля, естественно, были и его братья, получившие по завещанию отца в апанаж⁶ крупные земельные владения (подробнее см. главу I). Таким образом, первая по времени историческая роль, которую довелось сыграть Карлу, — роль младшего члена королевской семьи и своего рода зрителя (в качестве одновременно крупного вельможи и «человека короля») графств Анжу и Мэн, не входивших, как и многие другие земли Франции, непосредственно в королевский домен⁷. Брак с наследницей графства Прованского, лежавшего на юге страны, который лишь в первой половине XIII века оказался под сюзеренитетом династии Капетингов, дал Карлу возможность, укрепляя собственную власть, одновременно способствовать расширению влияния французской короны в этом регионе.

Карл, даже обзаведясь впоследствии собственным королевством и основав династию, никогда не забывал о своем происхождении, о том, что он — член французского королевского дома. Хотя его отношения со старшим братом не всегда были простыми, Карл Анжуйский никогда не демонстрировал открытого неповиновения Людовику IX и всегда почитал его не только как государя, но и как образец христианских добродетелей. Незадолго до смерти Карл стал одним из основных свидетелей, которые давали показания папской комиссии, собиравшей материалы для канонизации покойного короля. Характерно, что при этом Карл выразил надежду на то, что, помимо Людовика, будут причислены к лику святых и два других его брата — Роберт, граф д'Артуа, погибший во время крестового похода в 1250 году, и Альфонс, граф де Пуатье, скончавшийся при возвращении из другого крестового похода, двадцатью годами позже. Неизвестно, что думал Карл о себе, но своих братьев

5. *Duby G. France in the Middle Ages 987–1460. Oxford, 2009. P. 267.*

6. Апанаж — часть наследственных земельных владений или денежное содержание, которые передавались некоронованным членам королевской семьи.

7. Королевский домен — земли, находившиеся в непосредственном владении короля, в отличие от других территорий королевства, владельцы которых были связаны с монархом вассальными отношениями.

он считал достойными наивысших христианских почестей: «Святой корень произвел святые побеги, вначале короля, затем графа д'Артуа, мученика своими деяниями, но также и графа Пуатье, мученика по склонности мысли (*affectu*)»⁸. Роберт и Альфонс канонизации, правда, не дождались, тем не менее Карл Анжуйский стал не только братом, но и дедом святого. Его внук Людовик, епископ Тулузский, прославившийся безгрешной жизнью и умерший в 1297 году в возрасте всего 23 лет, был позднее канонизирован папой Иоанном XXII.

Достаточно близкие отношения связывали Карла с его племянником Филиппом III, вступившим на престол Франции после смерти Людовика Святого. В этом случае можно говорить о стремлении Карла влиять на родственника в собственных политических интересах. Ведь поддержка Франции была для короля Сицилии жизненно важна в борьбе вначале с многочисленными противниками в Италии и на Балканах, а затем — с сицилийскими мятежниками и стоящим за ними Арагонским королевством. Влияние Карла на молодого короля одно время было столь велико, что Маргарита Прованская, мать Филиппа III (и свояченица самого Карла), возненавидела могущественного родственника. В то же время отношения племянника и дяди нельзя толковать исключительно как подчинение слабой природы более сильной. Об этом говорит хотя бы тот факт, что Филипп III продолжал свой проанжуйский курс и после смерти Карла I, — правда, он сам пережил его лишь на 10 месяцев. Более того, «Филипп III собирался после успешного завершения Арагонского крестового похода⁹ лично возглавить кампанию по отвоеванию Сицилии. Он явно был убежден в том, что поддержка прав его дяди — в интересах Франции»¹⁰.

8. *Dunbabin J.* The French in the Kingdom of Sicily 1266–1305. Cambridge, 2011. P. 194.

9. Имеется в виду война Франции (в союзе с Карлом I Анжуйским, а затем его наследником в Неаполе Карлом II Хромым) против Арагонского королевства, которой проанжуйский папа Мартин IV придал характер крестового похода. Причиной войны было восстание «Сицилийской вечерни» (1282), свержение власти Анжуйского дома на острове Сицилия и его переход под власть Арагонской короны. Подробнее обо всем этом см. в главе VI и заключении настоящей книги.

10. *Dunbabin J.* The French... P. 40.

Как бы то ни было, общий вывод не подлежит сомнению: Карл Анжуйский всю жизнь чувствовал себя Капетингом и, став королем Неаполя и Сицилии, во многих отношениях не перестал быть французским принцем.

Роль вторая: правитель

В XIII веке в основном завершается процесс трансформации средневекового западноевропейского общества, начавшийся двумя столетиями ранее, — некоторые историки с долей условности называют его начало «переменами 1000 года». Стереотипные представления о «мрачном Средневековье» если и имеют под собой какие-то основания (ведь и самые неудобные средневековые времена вряд ли могут конкурировать в этом отношении, скажем, с периодом 1914–1945 годов), то к XIII столетию их можно отнести в наименьшей степени. В отличие от эпох предыдущих, а равно и последующих — невеселых XIV и XV столетий с их хозяйственным упадком, опустошительными эпидемиями чумы и затяжными войнами, — век XIII представляется периодом относительно благополучным. В это время бурно растут города, открываются новые торговые пути, меняется структура общества и само восприятие европейцами окружающего мира. По выражению Жака Ле Гоффа, «в XIII веке рождается „прекрасная Европа“ с городами, университетами, схоластикой, соборами и готикой»¹¹.

Окончательно оформляется рыцарство, которое «все более четко осознавало себя как особую социальную группу, отделяясь от общей массы „невооруженных“ и ставя себя выше нее»¹². По отношению к власти крупных государей — императора, королей, владетельных князей, герцогов и наиболее могущественных графов — рыцарство выступает, в зависимости от обстоятельств, в роли то важнейшей опоры, то возмутителя спокойствия и даже прямой угрозы. К тому же меняется многое в самой рыцарской среде. Слой дружинников на службе крупных феодалов превращается в конгломерат вас-

11. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. М., 2008. С. 13.

12. *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003. С. 305.

салов, обладающих собственными земельными владениями. В условиях экономического и демографического подъема, характерного для XII–XIII веков, эта социальная группа растет количественно и преобразуется качественно.

Так, преобладающим правилом наследования становится примогенитура — наследование по праву первородства, когда старшему потомку отходит все наследство или его львиная доля. В результате в католической Европе возникает довольно многочисленная группа младших сыновей рыцарских семей, которые в погоне за славой и богатством могли рассчитывать лишь на собственные способности и удачу. Это явление распространяется до самого верха социальной иерархии — княжеских и королевских родов. В XIII веке мы видим целый ряд младших европейских принцев, стремящихся схватить свою жар-птицу за хвост, коль скоро по наследству им перепало немногое¹³.

Отчасти к числу подобных рыцарей-авантюристов принадлежал и Карл Анжуйский. Как мы увидим, во владение графствами, доставшимися ему в наследство от отца, наш принц вступил лишь волею случая (благодаря преждевременной смерти двух старших братьев). Позднее Карл участвовал в междоусобице во Флан-

---

13. Вот одна из таких судеб, возможно, наиболее яркая. Генрих (Энрике), младший сын короля Кастилии Фердинанда III (и двоюродный брат Карла Анжуйского по матери), в юности несколько раз поднимает мятежи против старшего брата Альфонса X, некоторое время живет в Англии при дворе Генриха III, затем бежит в Африку, где служит наемником тунисского эмира. В 1266 г. он присоединяется к походу Карла Анжуйского на юг Италии и даже субсидирует своего родственника, надеясь с лихвой окупить средства, вложенные в предприятие Карла. С подачи последнего Генрих становится сенатором (фактическим наместником) Рима. Но с деньгами у Карла туго, помочь же родственнику добыть какую-то из итальянских корон новоиспеченный король Сицилии не спешит. Тогда обиженный Генрих переходит на сторону противников Карла, присоединяясь к его сопернику в борьбе за сицилийский трон, юному Конрадину Гогенштауфену. После разгрома последнего в 1268 г. незадачливый кастилец попадает в плен и проводит в заточении почти четверть века, занимаясь сочинением грустных стихов и песен, а также, по мнению некоторых историков, знаменитого рыцарского романа «Амадис Гальский», вопрос об авторстве которого до конца не решен. Судьба улыбнулась Генриху лишь на закате жизни: вернувшись в Кастилию уже пожилым человеком, он в 1298 г. становится регентом королевства при малолетнем Фердинанде IV.

дрии, где борьбу за наследство вели сыновья графини Маргариты от двух ее браков. Участвовал в расчете на то, что окажется на стороне победителей и по итогам распри будет вознагражден солидным ленным владением. Но только брак с Беатрисой Прованской вознес Карла на более высокую ступень в иерархии владетельных сеньоров: отныне он стал — *jure uxoris*¹⁴, но в этом не было ничего необычного, — настоящим государем. А поскольку в Провансе молодому графу противостояла пестрая компания противников — от собственной тещи, Беатрисы Савойской, до ряда могущественных вассалов и городских коммун, то Карл быстро приобрел уникальный политический опыт. К тридцати годам он успел познать тогдашнюю политику с разных сторон. Последующая сицилийская эпопея и почти 20-летнее правление на юге Италии значительно расширили этот опыт.

Таким образом, Карл Анжуйский был одним из тех деятелей, чью судьбу определили силовые линии европейской политики XIII века. Они соединяли основные социально-политические полюса того общества, отношения между которыми складывались крайне непросто. Это была усилившаяся монархическая власть; крупные феодалы, чьи интересы заставляли их вечно колебаться между верностью монархам и противостоянием им; мелкое и среднее рыцарство, все громче заявлявшее о своих правах в качестве привилегированного сословия; городские коммуны с их быстро развивавшимся торговым сословием, правовой автономией и стремлением к политической самостоятельности; и наконец, римско-католическая церковь, чья политическая роль пережила в XIII веке существенную трансформацию. Роль государя оказалась главной жизненной ролью Карла Анжуйского, но к ней он пришел не сразу. Превращение младшего сына аристократического рода, с характерной для этой группы психологией рыцарей-авантюристов, в правителя крупной державы стало одной из главных коллизий его жизни.

Надо заметить, что Карлу при этом повезло: его жизнь пришлась на завершающие десятилетия эпохи,

---

14. *Jure uxoris* (лат.) — по праву супружества; владение или распоряжение одним из супругов имуществом другого.

когда формировалась национальная и государственно-политическая карта Европы, точнее, ее основные детерминанты, во многом сохранившиеся до наших времен. «Франция», «Италия», «Германия», «Испания» — эти понятия, безусловно, были известны людям Средневековья, но, конечно, их содержание было совсем иным, почти лишенным тех национально-культурных коннотаций, которыми оно наполнено для нас сегодня. Более того, окраины Европы — Пиренейский полуостров, значительная часть Средиземноморья, северо-восток, прилегающий к побережью Балтийского моря, отчасти также Британия и Ирландия — были пограничными зонами, где пересекались и сталкивались различные культуры, религии, правовые и политические традиции. Относительная примитивность и неустойчивость государственных механизмов вели к тому, что именно там зачастую образовывались «вакантные места», сулившие массу возможностей смелым и предприимчивым завоевателям.

Дело осложнялось (или, наоборот, облегчалось — в зависимости от того, какие обстоятельства рассматривать и с чьей точки зрения) неоднозначностью представлений об источниках легитимности власти государя. Путаница в этих вопросах была во многом следствием растянувшейся на два столетия (со второй половины XI до середины XIII века) борьбы между двумя ведущими политическими авторитетами христианского Запада — папством и империей. Карл Анжуйский, выступив по наущению папы в поход за сицилийской короной, фактически завершил традицию королей, завоевавших высшую власть силой оружия. После него подобных случаев в европейской истории Средних веков и раннего Нового времени больше не будет. Победители междоусобиц в рамках одной страны и одной династии (вроде целой череды английских королей XV века, от Генриха IV до Генриха VII) не в счет, поскольку и способ их прихода к власти, и его социальный контекст, и идеологическое обоснование были совсем иными.

В качестве правителя Карл проявил себя как человек, который, похоже, интуитивно чувствовал, куда дует ветер истории. В доставшемся ему Сицилийском королевстве он продолжал традиции предшественников —

нормандских правителей и династии Гогенштауфенов, которые стремились к централизации власти и созданию развитого по тем временам бюрократического механизма, рычаги управления которым держит в руках государь, являющийся одновременно первым феодалом в своем королевстве. В своих французских владениях — Анжу и Провансе, где социальная структура была более сложной, Карл по мере сил лавировал между различными политическими силами и социальными группами, стараясь, тем не менее, создавать такие ситуации, когда решающее слово в политических вопросах оставалось за ним. Он был человеком власти и стремился к концентрации власти в своих руках. В этом был залог его успехов, но одновременно и причина тяжелого поражения, которое он потерпел на закате жизни в результате восстания, которое вошло в историю как «Сицилийская вечерня». Оно лишило Карла островной части его владений и надолго изменило расстановку сил на юге и юго-востоке Европы.

Карл Анжуйский никогда не стеснялся в средствах для достижения своих целей. Как мы увидим, он умел быть и щедрым, и милостивым, в том числе к поверженным врагам, но в целом, если судить по сохранившимся фрагментам переписки и распоряжений короля, доминирующими чертами Карла как политика были строгость и непреклонность. Возможно, ему во многом не повезло. Свое королевство младший принц из дома Капетингов не унаследовал, а завоевал; как напишет несколько столетий спустя один хитроумный флорентинец, «новый правитель всегда хуже старого... Завоеватель угнетает новых подданных, облагает их различными повинностями и обременяет их постоями войск, чего невозможно избежать во время завоевания. И так он наживает себе врагов среди тех, кого обидел, и лишается дружбы тех, кто помогал ему в завоевании, так как не в состоянии наградить их в той мере, которая соответствовала бы их ожиданиям...»¹⁵. Неизвестно, думал ли Макиавелли при написании этих строк о Карле Анжуйском, память о котором в Италии в те времена

---

15. *Макиавелли Н.* Государь. М., 2002. С. 11. — Здесь и далее трактат Н. Макиавелли «Государь» цитируется по этому изданию.

была еще относительно свежа, но фактически его описание можно назвать краткой психологической историей «Сицилийской вечерни» 1282 года.

Карла Анжуйского, кстати, несмотря на весь его прагматизм и нередкую неразборчивость в средствах, нельзя назвать «макиавеллистом до Макиавелли». Для этого он был еще слишком средневековым деятелем, одновременно человеком власти и человеком миссии. Бог для него еще не стал политико-идеологической условностью, как для многих князей ренессансной эпохи, давно утративших веру, а оставался вполне реальной силой, вершащей судьбы людей и царств. При этом Карл принадлежал к тому типу политиков, которые не разграничивают земное и трансцендентное, когда дело касается их самих. Они отождествляют собственные политические цели и замысел Провидения, видя в самих себе орудие высших сил. И даже терпя поражение, они считают его испытанием, но не приговором. В этом смысле Карл удивительно современен, ведь и новейшая история знает немало политиков, принадлежащих к этому типу.

Роль третья: воин-гвельф

Европа XIII века — это прежде всего Европа христианская. В эту эпоху «увеличивается число сословий, общество становится более сложным, меняется характер религии, которая во все большей мере принимает земной мир, перенося [религиозные] ценности с неба на землю, причем средневековый человек не перестает быть глубоко верующим и озабоченным спасением своей души...»¹⁶. Эта комбинация земного и небесного имела несколько весьма значительных политических последствий.

XIII век открылся понтификатом Иннокентия II (1198–1216), наиболее выдающегося последователя теократического курса, начертанного в конце XI века другим знаменитым папой — Григорием VII. Иннокентий, который считал себя не только заместителем Христа, но и главой христианского мира, превратил иерар-

16. *Le Goff J. Středověký člověk. In: Středověký člověk a jeho svět / Ed. J. Le Goff. Praha, 1999. S. 29.*

хию римско-католической церкви в стройную пирамиду, увенчанную им самим — всесильным понтификом. Эта церковь уже не зависела от светской власти, достигнув тем самым цели, к которой безуспешно стремился в свое время папа Григорий. «Возвышаясь над грешным миром, церковь стала своеобразным государством, в котором епископы играли роль послушных служащих, губернаторов провинций и послов своего папы... Лишение светской власти прав патронажа над церковью, которыми она ранее пользовалась, стало окончательным и было закреплено папскими легатами, которые в качестве уполномоченных папы стояли выше, чем даже архиепископы... светская же власть была не в состоянии даже протестовать против положения, в котором она оказалась, лишенная всех прав надзора за церковью»¹⁷.

Усиление духовного доминирования и рост политического господства церкви были при Иннокентии III тесно связаны между собой. Первое нашло свое выражение в гонениях на последователей ряда ересей (прежде всего вальденской¹⁸ и альбигойской¹⁹), главным образом

17. *Kantorowicz E.* Frederick the Second, 1194–1250. L., 1957. P. 42.

18. Вальденсы — христианское течение, последователи Пьера Вальдо (Петра Вальдуса), купца-проповедника из Лиона, жившего в конце XII в. Вальденсы призывали к возврату к идеалам раннего христианства, добровольной бедности, высказывались за свободу мирской проповеди, критиковали «стяжательство» представителей официальной церкви. Общины вальденсов распространились в Пьемонте, Савойе, Тоскане, на юге Франции, позднее также в Венгрии и Богемии. Подвергались жестокому преследованию, были объектами нескольких крестовых походов. В период Реформации некоторые вальденсы примкнули к различным протестантским течениям. Впервые вальденсы были легализованы и получили статус официальной церкви в Пьемонте (Сардинском королевстве) в середине XIX в. В настоящее время в Европе, Северной и Южной Америке существуют общины вальденсов общей численностью в несколько десятков тысяч человек.

19. Альбигойцы, или катары («чистые»), — последователи христианского религиозного движения дуалистического толка, испытавшего влияние идей гностицизма, неоплатонизма и манихейства. Считали видимый, земной мир творением злого начала, в отличие от творения Божьего, которое «не от мира сего, который во зле лежит». Отрицали наличие у Христа человеческой природы, не соглашались с учением об искупительной жертве Христа, критиковали культ святых и церковную иерархию, хотя обладали собственным клиром и зачатками церковной организации. Проповедовали неприятие насилия, отличались необычным для тогдашней Европы эгалитаризмом по отношению к женщинам и иноверцам. Катаризм был очень широко распространен прежде всего на юге Франции в конце XII — начале XIII в. в результате крестово-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru